

Вячеслав ХАРЧЕВ

Вячеслав Васильевич ХАРЧЕВ родился в 1930 году в г. Бор Горьковской области. Кандидат филологических наук, автор книг «Поэзия и проза Александра Грина», «Народный характер». В «Севере» печатается с 1970 года. Член Союза писателей СССР.

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

(К портрету И. Полуянова)

Ни с чем не прощаются так нетерпеливо, с такой радостью, как с детством; ни о чем, став взрослыми, не вспоминают с такой щемящей грустью, как о нем.

И. Полуянов, «Обнова»

ВСЮ ЖИЗНЬ он пишет о детях и природе, знает, нутром чувствует своего читателя: «Это мой... поймет. А с этим и пытаться нечего, глух, как пень». Вот как раз один из глухих идет по лесу, и, кстати, пень ему попадает: «пень-выворотень, трухлявый и замшелый, темнел в гуще елок, напоминая зверя, вскинувшегося на дыбы». Человек со стекляными глазами вскинул ружье, бабахнул по пню, понюхал сизый чад из ружейного ствола. «Прелесть... Какая прелесть! Чудо что за мужественный запах!» (повесть «Рябой»). И смех, и горе.

Может, и второстепенное это достоинство И. Полуянова, только больно уж примечательное, живое — умение в одном абзаце с тонким сарказмом очертить цивилизованного папыска природы. Здесь не открытие, это и до Полуянова было давно известно — отношение к природе как мера человечности в человеке, — здесь самое первое убеждение писателя, исходный пункт, с которого он начинает. Только начинает, хотя иные этим и кончают.

Хочешь понять себя через природу, природу же — через себя. Одновременно, одновременно. Возникла тяга к самопознанию — значит, есть для тебя, припасены и книги. Вот они: «Месяцеслов», «Одолень-трав», «Седьмой патрон», лесные повести, лесные рассказы. А так как самопознание — общее свойство человеческого духа, относящееся к любому возрасту, — то и читатель И. Полуянова, следовательно, любой, от четвероклассника до старца: задуматься над собой, как известно, никогда не поздно. Человек разбуженной совести — тоже читатель И. Полуянова, потому что разбудить совесть, может быть, и есть главная цель его книг. Хотя возможно ли самопознание без пробудившейся совести? Так что одно с другим совпадает.

Читателю набрести на книгу И. Полуянова непросто — не сулит она приятных минут и развлечений, приключений (даже «Одолень-трав» и «Седьмой патрон»), да и большинство изданий его книг — областные, значит, до широкого читателя могут и не дойти, да и критика вниманием не балует... Только если уж какими-то путями читатель все-таки набредет на его книгу, знаю по собственному опыту, — мимо второй не пройдет, потом же и все, что выходит, и вышло из-под его пера, будет читать и перечитывать. Самопознание — тяжкий (без него куда как легче), но и сладостный путь, вступив на который, уже не сойдешь.

Очень современен Полуянов. «Понимание смысла жизни, — пишет социолог, — органически связано с сознанием своей неотторжимости от природы, с сознанием себя как части великого, бесконечного и своей ответственности за это целое, которое неуничтожимо и в котором неуничтожим и ты: «Нет, весь я не умру...» (Владимир Шубкин. Неопалимая купина. — «Наш современник», № 12, 1981, с. 185). Нужно, нужно нам это чувство сейчас, сегодня, когда очень уж много всякого рода фактов и явлений обрушивается на человека, чтобы доказать ему, что он «меньше малого стоит», что отчуждение — его удел, что расщепляется мир, дробится человек...

Тот же социолог замечает: «Самопознание — это и изучение себя как части природы, это и понимание себя как части общества со всеми вытекающими отсюда последствиями, это и осознание себя как феномена нравственного и духовного. Кто ты? Кто твои предки? Кто твои соседи? Каково твоё назначение?» Мы бы акцентировали и несколько повернули мысль социолога вот в какую сторону: необходимо снова познать себя как часть природы, со

всей возможной конкретностью, то есть в деталях, сопоставив себя не вообще с природой — тут человек сразу же заявит, что он «главнее», «царь», и т. п., а с ее полноправными существами и реальностями, и тогда окажется, что вообще природы нет.

«Месяцеслов» И. Полуянова, скромно заявляемый как календарь природы, — нечто гораздо большее и, отожавшимся сказать, является своего рода нравственным катехизисом автора. Одна из посылок «Месяцеслова» такова: хорошо известно, что человек выше природы; так, а теперь посмотрим, в чем природа выше человека. Человек и зяблик, человек и травка-самоловка, человек и ручеек...

Бегут весенние ручьи, несутся, спешат, голова их сходны, зато песенки разные и разная у каждого судьба. Один камни ворочает, валежник с дороги сбрасывает, звенит по бедно, летит — до болота. Рядом — того веселей, беспечней бежал и тоже умолк, передав воду, поручив голос другому ручью. Третий на лугу затерялся; отметится летом, выделится русло ручейка-бегунка пыльным разнотравьем. «У всех ручьев судьба на особицу. Что я-то выбрал бы, окажись на месте ручья весеннего?»

Заметим попутно: рационализм, базарщина, что так глубоко сидит в нас, современных людях, Полуянову не свойственны, отсюда та легкость и внутренняя свобода, с которой идет по своему «Месяцеслову». Человек выше природы? Доказано. Природа выше человека? Тоже легко доказуемо. А надо ли? Это ли сейчас надо — считать ся? Андрей Платонов, человек неожиданных, опережающих время, потому и не оцененных как надо догадок, сказал: «Природа, она мила и дорога тем, что наши первородные силы там и до сих пор действуют в чистоте, «наружи», близко к нашему пониманию, тогда как в людях это братское родство действия, душевной аналогичности скрыто, завуалировано тысячью условностей...» И еще у него же: «Человечество — без облагораживания его животными и растениями — погибнет, оскудеет, впадёт в злобу отчаяния, как одинокий в одиночестве...» Предостережение сильное и своевременное.

Послушаем тихий голос понявшего что-то очень важное для нас — голос, который скрывает печальную истину жизни нашей, тревожит, будит людскую совесть: «Видишь лебедя — и цвет его оперения, и облик, и осанка птицы незаметно для тебя начинает переходить в музыку. Есть, должно быть, все-таки связь между цветом и звуками! Вероятно, невозможно постичь ее иначе, как чувством: рассудку она не поддается.

В ушах моих крик лебедя, услышанный с полынью стынущей в предзимье реки. Не могу, как прежде, отдаться лесу, шагая через валежник по хрусткой, присыпанной мелким снегом листве, по трескучим мерзлым прутьям. Не умолкает в ушах бой колокола печальный.

По ком звонишь ты, колокол?

Переводятся лебеди. Не остается для них места, вот и все. Берет душу тревога: исчезающее на земле исчезает безвозвратно. Можно по чертежам, по догадкам восстановить любую, наверное, машину. Любое существо из мертвых не воскресить никогда. Как не приживить отрубленную ветвь...

Земля одна, для всех общий дом. Пора бы

нам научиться ладить с соседями. Нас не было, а они были — шмель на розовой кашке, медведь у колодины, серая цапля в мелководном заливе. Они старше нас, земные старжили, и люди в сравнении с каким-нибудь пауком, что ловит мух паутинкой, просто-напросто новоселы. А старших ведь уважают, а? В тесноте им место уступают и все такое...

Верю могуществу людей. Мы достигнем звезд и неведомых планет, вступим в контакт с братьями по разуму. Так неужто землянам удастся легче понять чужих, если не удосуживаемся понять своих, кто живет бок о бок с нами, напрасно добываясь нашего внимания и участия?»

Долго не забудешь этого: «А старших ведь уважают, а?» Может быть, интонация эта больше всего в душу и западает...

Да пробудится совесть, потому что надо, чтобы родились и выросли новые поколения с новым отношением к себе (мы намеренно ставим это слово, следуя логике Полуянова, на месте полагающегося «к природе»). Пробудится новое сознание, и нравственными опорами его да будет следование сложившимся законам природы. Они просты, и мы всегда знали их, только не всегда у нас было время чувствовать и понимать их как свои. Один из них: «Всему свое время и свой час. Есть время одолевать дорогу и время заводить гнездо, как людям есть свой час сеять и свой срок жать...

Время! Мне бы его постичь, как постигли птицы, чтобы тоже знать свой час, свой срок! Рано — и посев мой побьет мороз; поздно — и не даст мне поле, не успеет дать урожая...

Да, да, есть у каждого из нас свое поле, каждому из нас нужно получить свой урожай» («Свой час»).

«О чем может мне сказать незабудка? В самом ее имени заключен намек: помни. Живи и помни, что не вечно кукушки будут ворожить тебе долгие годы. Не спохватись, смотри: как много жито, как мало пережито!» Что-то и сверх того есть, что можно словами объяснить, и хорошо это, что еще есть такое словами не объяснимое! «Цветут незабудки: знать, надо, чтобы было их много. Много-много от весны ранней до осени селой...» Надо — и все тут.

Писатель взбунтовался против «что почем на торгу», воскликнул: «Но какое дело мне, что фиалка в поле лишняя? Под снегом зиму перемогать, мерзнуть и все-таки не принять чужое тепло — это что-нибудь да стоит. Многие отняне они для меня значат — простенькие, такие вроде бы доступные анютины глазки, приди и сорви! Многое-многое, что не выразить словом...»

Как бы перебрать-перечувствовать все эти составные кирпичики мироздания! Нет, не кирпичики — слово мертво, мироздание — это когда «все живое особой метой отмечается с давних пор». Особая мета жизни. Иван Васильев в очерке «Земля русская» написал: «Я же хочу понять свою землю, и не в общем плане, а конкретно: формирует ли она особую характер человека?»

Может быть, это не заслоненное ни горами, ни лесами широкое небо, светлые, просторные дали, которые видит человек от колыбели до погоста, дают ему особую открытость души и щедрость природы. Может быть, это спокойно величавые реки, пронизанные солнцем леса

рождают в нем особую доброту и незлобивость. Может быть, это скупые на хлеб серые подзолы и красные суглинки сделали его страдающим каждому, кто попал в нужду или беду. Может быть, это утренняя разгорающаяся в полнеба заря и долго не угасающий закат, бездонно-глубокое небо, усыпанное алмазами, подарили его трезвому уму мечтательность...

...Я не встречал в других краях, тоже щедрых на характеры, такой душевной открытости, такой доброты, такой милосердности и самоотречения, какие с годами, прибавившими разуму зоркости, нашел в нашей женщине: псковитянке, тверитянке, смолянке» («Наш современник», № 1, 1981, с. 57).

Значит, коли так, вынуть из природы незабудку скромную, снегирышка, что ниточку обрывает, на которой по весне держится, лужайку с ромашками — из себя вынуть, от себя отнять: кто же себя-то в здравом уме и твердой памяти уродует? Куда мы пойдем за красотой, за чувством благородным, как мы себя найдем, если вынули? Заплутаемся во мраке, себя потеряем.

«Кто-то первый сказал, что незабудка — малость. А потом и пошло: это малость, и это малость, и это. Не важно, сойдет, обойдется, переживем, жалеть нечего...» «Решая архи-сложные проблемы и достигая успехов в больших делах, мы часто не можем справиться с простыми вещами, — беспокоится философ. — Золотое правило нравственного, человеческого поведения — «Не делай другому того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе» — для многих так и осталось «золотым», несмотря на всю свою простоту. Неуважение к правилу, как таковому, остается общественной проблемой: и нередко надо еще объяснять, что идти на красный свет — опасно, что пить на работе — нельзя, что плохо сделанная работа — это не-сделанная работа и т. д.» (В. И. Толстых. Сократ и мы. М., Изд. политич. лит., 1981, с. 219).

И. Васильев рассказывает о председателе колхоза Морозове, который грозился оштрафовать женщину за потерянный снопок льна — над ним, истинным хозяином, смеялись как над чудачком: из-за такой-то малости шуму сколько! Наверное, и женщина, видя, как с виха снопок упал, думала: эка малость-то! Вот их сколько...

А теперь размыслим: когда это началось? Что-то ведь предопределило ее леность, когда-то кто-то ее к этому приучил, что на малость внимания обращать не стоит. И. Полуянов ответ отыскивает в родной его сердцу природе. «Побережь надо детей. Что с малых лет заложить в человека, тем он и будет. Возьми хоть лесину: где в ней гниль заводится? По слоям дерево растет. Что ни год, то слой. Год от году слой ядренее. Гниль же в дереве заводится с сердцевины, с первых слоев, с детских» («Последний круг»).

Как известно, легче облагодетельствовать все человечество каким-то сверхоткрытием, чем привить человеку одно доброе движение души. Сколько ни тверди, что добро — это хорошо, что цветы рвать не надо, что переходить улицу надо на зеленый свет, от этого ровным счетом ничего не меняется. Педагогика наша в основном словесная. И. Полуянов предлагает лесную педагогику...

Ф. М. Достоевский писал: «Дети должны родиться на земле, а не на мостовой... Можно

жить потом на мостовой, но родиться и всходить нация, в огромном большинстве своем, должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут» («Дневник писателя», «Земля и дети»). Оттого, что большинство детей сейчас именно «на мостовой» родится и растет, терпим мы многие нравственные протопи и убытки. Но пустить-то на землю, где хлеб и деревья, пустить детей, пока сердцевина! первые слои образуются, мы можем! Вновь вспомним Вовку из «Бобровой страны», который еще по дороге на Слободские озера все свое снаряжение пораскидал, еще до озер не дойдя, заскучал: настоящую дорогу надо сюда проложить, пустить автобус, чтобы — вжик! — и готово. Тут озера, где вода темна, как тушь, непонятные и бесполезные болота, кладбище, где, по-Вовкиному, «рабов хоронили», шквал на озере...

Не будем пересказывать того, что случилось с Вовкой — ничего особенного: смотрел, видел, сравнивал, жил на земле... Сказал напоследок, что асфальт и автобус сюда не нужны: «Кому надо, пешком сюда дотопают», захотелось ему побывать здесь еще раз. Много или мало? Неизвестно, что из всего этого выйдет, но автор заканчивает свою «Бобровую страну» такими хорошими словами: «Я думаю, у каждого из нас должно быть свое Слободское. Тот клочок земли родной, неважно, большой или малый, к которому лежало бы сердце, о котором ты думал: «А как ты там? Тебе хорошо? Если тебе хорошо, то и мне хорошо».

«Бобровая страна» — простая, прозрачная повесть, но есть у И. Полуянова значительно более сложные, собранные им в книгу «Весна одна», — сколько мыслей, раздумий возбуждает книга, сосредоточив их вокруг единой темы: что дают лес и его обитатели людям и что возвращает ему (возвращает ли?) человек.

Повесть «Между росами» (о мальчишках, которых лес признавал за своих и делился с ними своим лесным сокровенным и которые обманули его доверие) убеждает в том, что всегда надо что-то, самое важное, принимать на веру. «Лишь то живо на земле, что дает и бережет жизнь. Дает — прордись она вечно; бережет — в слабом ее ростке, в неокрепшем побеге. Жить, лишь давая жизнь, — нет крепче закона, и следует ему даже безымянная былинка, когда наземь осыпает семя. Ничтожная былинка, которая груза росы и то не снесла!..»

Ошибается тот, кто подумает, будто Полуянов идеализирует лес, рисуя его эдаким царством идеальных правил, куда проникни лишь — преобразишься. Он всякий, лес, зато и «всякому в нем свое место. «Мошка-комарик, а чью ты кровушку легом пил?.. Недолги комариные радости: паучья сеть тут как тут. Помирать комару, погибать мошке: беися не беися, хоть плачь, хоть молчи — неумолим паук.

Неумолим паук, да его самого синица расклевала. Синицу горностай схватил, только косточки хрустнули. Горностай сплеховал, угодил лисиче в зубы. Так ведется в лесу: жизнь за жизнь и нет иного пути... Но и добрый лес: всем приволье за его широкой спиной. Колодины, валежник, кучи хворосту — лезь, бурундук, никто не найдет. Зеленой тучей крона осины нависла: не одного — стаю глухарей спрячет, спокойного шиплите кислый лист. Мхом мягким поляны выстланы — ступай без

опаски медвежья босая лапа, сучок не треснет, не выдаст». Лес далеко не идеальная модель, по которой будто бы можно человеческую жизнь делать, он сам взывает к большому совершенству человеческой жизни: есть от чего отталкиваться, есть с чем сравнивать, есть чего и набраться.

Человек, как известно, существо социально-биологическое. Значит, не годится ему изменять ни своей биологической, ни своей социальной сущности. Философ утверждает: «Эмпирический характер» следует принципу «живи соответственно природе», в то время как действительно нравственное бытие исходит из требования «делай себя более совершенным, чем создала тебя природа» (В. И. Толстых. Сократ и мы, с. 222). Все так, лишь бы не было затора между первым и вторым, чтобы не забывалась эмпирическая основа, на которой можно «делай себя», чтобы она была.

Одна из самых примечательных книг И. Полуянова — «Одолень-трава», в которой «эмпирический характер» героев обретает социальное совершенство. «Стояла наша изба в Раменье над обрывом, окнами к угору Кречать-ему, к речке Талице, с лугом широким, с омутиами, где лилии белые, одолень-трава дивная цветет. Одолень-трава, диво дивное укромных заводов! Одолей мне, одолень-трава, горы высокие, доли низкие, озера синие, леса темные, пенки и колоды! Сколько ждало впереди пенков, сколько колод...»

Сказ. Сказывают повесть жизни — себя сказывают Федор и Федосья Достоваловы; с детства, с самой сердцевинки, с первых слов. Федосья — женский характер, удел которого — любовь, напрямую соотносена с природой. «Как прощаются с детством? У всех бывает это по-разному. Нежили меня отец и мама. Одна дочка. Любимица. Полусапожки на пуговках, ленты шелковые в косе. Мир казался созданным для радости: лужи — чтобы бегать босиком, березы — чтобы ползать по ним к граничным гнездам. Чудный прекрасный мир! По бревнышку он раскатился, травка-муравка зачадилась дымом, и огонь, искры взвились к черному, опаленному небу». Революция, гражданская война, в водоворот которой оказалась вовлеченной девочка-подросток Федосья-Черनावушка, потребовали от нее нового, неведомого ей мироотношения, кажется ей — раньше было жить проще и легче. Не будь у девочки ее «одолень-травы», кто знает, куда бы повернулась ее судьба. Какая бы опасность ее ни подстерегала, она знает: сторожит ее, оберегает лес. «Моя это земля: осина в лужу запускает кораблики на алых парусах, влажной прелью дышит чаша. Моя, моя земля: захочу и солнышко в ладонь положу! Подставлю ладони, надежу солнца полные пригоршни! Нет, в самом деле, чего мне бояться, коль одолень-трава со мной?»

Известно: «человек должен родиться дважды, один раз естественно, а затем духовно» (Гегель). Героине Полуянова предстает пройти через утраты и разочарования, пытки и застенки, увидеть гибель матери и пепелище родного дома, гибель отца, наконец, — тяжким путем страдания оказалась ее путь самопознания. «Страдание составляет привилегию высших натур: чем выше натура, тем больше несчастий испытывает она», — считал Гегель. Человек начинается с сострадания, с того момента, когда он начинает думать о другом человеке и сочувствовать ему.

«Раздумаюсь, бывало, заботы обступят: сколько на мне долгов! Жизни хватит ли со всеми-то рассчитаться?» — в конце повести говорит героиня, это достигнутый результат, это — человек!

В повести эпизодически возникает, не без внутренней полемики с сокрушителями «естественного человека» и «эмпирического характера», фигура Ольги Сергеевны, идейной, сознательной, преданной революции девушки. Казалось бы, она должна быть во всех отношениях выше Федосьи, и подвиг ее труднее — порвать со своим интеллигентским, цивилизованным кругом, уйти в пугающий ее мир неуютя, грубых житейских правил без милых серлду книг, поэзии, музыки. Рядом с Ольгой Сергеевной становится особенно понятной символика «одолень-травы», наделяющей Федосью силой без надлома, без надрыва — естественной силой жизни.

У Федора, ее будущего мужа, в общем аналогичный путь. Но Федор — мужской характер, его главный удел — труд, с этикой труда и соотносится его характер прежде всего (и у Федосьи тоже, но это на втором все-таки плане). Вынужден и он покинуть родной, бедный, безотцовский дом, с болью разрывая пуповину, которой он незримо прирос к нему, к хлебному полю, к родной земле: «дымом овинным, горячим, хлебным нанесет от деревни за полями — и словно живое от живого отрываю от себя стукоток телеги по дороге, петушинный крик и овинный дух».

Федор рано усвоил, что жить, себе не принадлежа — закон («Чего уж... не своя воля» — патриархальное сознание охотно вручает нити от своей судьбы сильным мира сего), для него предел мечты — разбогатеть, деньжатами обзавестись, гармонь, пиджак с жилеткой, часы на цепке купить, тарантас на железном ходу, дугу с колокольчиками, ему «жизнь видится прямой и ровной, как дорога уезженная, санями накатанная». Но и Федору предстоит пережить муки второго рождения.

Каким бы ограниченным ни казалось бытие Федора Достовалова, фатально обреченное на однообразие и непрестанное хождение по кругу, выжить-выстоять в трагические минуты помогает ему отцовский трудовой завет. «У меня хлеб в кармане. Всего-то корочка. Отец заповедовал: самый тяжкий грех — даром есть хлеб». «Хлебу: я не изменю», — твердит себе Федор. И партизанскому командиру, отцу Черनावушки, оказывается, дает силу жить та приверженность к труду, которая у него в крови: «Я простой, дочка. Не смотри, что наган на боку, что шинель ношу: был кузнец и есть кузнец. Люблю честную работу, хоть куда меня поставь, вот и весь сказ».

Вернемся еще раз к «стукотку телеги по дороге, петушному крику и овинному духу», из которых состоит живая сердцевина Федора. Поставим рядом мысли Ивана Васильева из очерка «Земля русская»: «Постичь бы тайну рождения чувства! Может быть, прозрачная, как колодезная вода, тишина, сквозь которую слышны птички песни в недалеком лесу и звон косы на лугу, пробуждает в душе нечто незнакомое, что носим мы в себе до поры до времени? Может быть, белые дымы над крышами по утрам, острые запахи возвращающегося с поля стада, петушине крики на заре, седые росы и белые суметы на улицах, скрип санных полозьев и звон железа в

кузнице, может быть, все это, капля по капле вливавшееся в душу, копилось там, отстаивалось, оседало и проросло любовью?» («Наш современник», № 12, 1981, с. 18—19).

Такое-то в силах ли мы дать подростку? Видимо, в силах, если вспомнить «Бобровую страну» И. Полуянова, «Где ночует солнышко» С. Шуртакова, тот же очерк И. Васильева, где сказано много умного о детях, которых надо оберегать «от лени, убивающей в юной душе желание преодолевать и постигать. От жадности плоти и нищеты духа». В сердцевины, в первые слои души, как у Федора Достоевлова, должен войти труд.

И тем не менее: естественная основа, второе, социальное рождение, труд-оберегатель — не будут иметь сколько-нибудь существенного значения, не станут полноценными и значимыми, если не соединятся с самовоспитанием личности. Во что может обернуться труд, если человек за ним ает им свою жизнь, заполняет им себя, как пустой сосуд, этим и ограничивается, не ведая, что труд должен пойти бок о бок с самосовершенствованием, становиться мастерством и искусством, а сам трудящийся человек становиться мастером?

То, чего И. Полуянов не успел написать в «Одолень-траве», он досказал в повести «Седьмой патрон». По форме это приключенческое произведение, но на него нельзя смотреть только как на приключенческую повесть, хотя приключений в ней действительно хоть отбавляй: они составляют внешнее и уж во всяком случае не главное. «Слышу опять, будто это было вчера, сильные гудки судов из сырого тумана, скрежет днища баржи о камни. Чудится запах росы с утреннего дуга, как тогда, когда от меня весь мир застыл пустой, выщелывающий душу зрачок револьвера... И выстрелы, выстрелы — уши гложут от палбы! И россыпь гильз на палубе, темный вез трюма и беззвучный вопль, исторгнутый окровавленным ртом: — Золото-о-о!»

Это Серега Едемский, пятнадцатилетний герой «Седьмого патрона», начинает свои воспоминания, похожие на исповедь, о лихорадочном лете 1918 года в Архангельске, когда довелось ему принять участие в спасении золотого запаса от интервентов. Маузер на боку. «Остров сокровищ» под подушкой, свист пуль, заговоры, осада баржи с золотом, жизнь висит на волоске, но приходит чудесное спасение, и вновь смертельная опасность, пришедшая оттуда, откуда ее и не ждешь... Кажется, все атрибуты приключенческой повести налицо, и автор сознательно ведет читателя навстречу все новым и новым испытаниям, словно решил на все сто процентов удовлетворить его тоску по героическому.

Только почему-то у героя остается горьковатый осадок от пережитого: опять он что-то не то сделал... Отчего же каким-то роковым образом совершает Серега одну ошибку за другой, казнит себя за малодушие, болтливость, неразумие и вновь попадает на крючок с обманной наживкой, вновь легковерно промахивается в поступках.

Поверил в доброту и благородство дяди Васи только потому, что тот держался с ним на равных и был внимателен к его словам, спас его от ареста; выбалтывал дяде Васе с легкостью все, что знал, и с недоверием принял красногвардейца-эстонца Яна, крикливого, беспокойного; но преданного революции до последней кровинки. Не насторожи-

ли ни белые, очень белые руки дяди Васи — «грузчика с Бакарницы, ни вырвавшиеся у него злые слова, что «у власти Ванька с лесопилки», что «опять надо варягов звать». Лишь когда в лицо Сереге глянуло дуло револьвера дяди Васи, оказавшегося матерым белогвардейцем Штмцедем, только тогда спохватился Серега. И какая-то доля вины в том, что мертвым упал в воды Двины неистовый Ян и был смертельно ранен, защищая баржу от банды Штмцеда, отец Сереги, лежит на нем, на Сереге Едемском. Он еще не понимает этого, ходит гоголем — как же, спас золото республики, на боку у него маузер, на другом кортик, герой по всем статьям... и тут беспризорники околпачивают его, обводят вокруг пальца: они посланы кем-то выведать тайну баржи, один из них — сын Штмцеда.

Только тогда поймет Сергей Едемский, какую большую, непоправимую ошибку он совершил, не сумев рассмотреть врага, притавившегося контрреволюционера, когда — и будет это уже на Черном море, в самом конце гражданской войны — падет от вражеской пули смешная, рыжая, с большими, как луковичи, глазами Вирка. Не его ли, Штмцеда, пуля, седьмая, роковая, оборвала Виркину жизнь?

Юный читатель, конечно же, задумается над тем, почему столь близкий ему по духу, тоскующий по приключениям сверстник, дорвавшись до этих приключений, вел себя далеко не так, как ему самому (да и читателю тоже) хотелось бы. В повести И. Полуянова он найдет совершенно четкий и определенный ответ, хотя и не лежит он на поверхности, непременно надо подумать, чтобы его отыскать.

Серега — сын прачки и грузчика, он родился в «Шанхае» — загородном скопище лачуг, на самом дне, ниже некуда, однако волею случая и торговца Зосимы Савватеевича, которому отец Сереги спас во время пожара его заветную шкатулку, он ученик реального училища. Серега живет как-то надвое. Он разносит выстиранное матерью белье и помогает Зосиме считать его капиталы, с тайной надеждой выслушивая от торговца посулы на будущее. Мечтает, выучившись, стать конторщиком или счетоводом, предел желаний — техник в порту. «Мир раньше виделся тихими плесами... Мой мир! Не поступлюсь в нем ни мозолями от весел, ни ивкой у ворот, ни снегирем в заветном палисаднике... Ну, а нынче? Что мне нынче ждаться?» Не чересчур ли отгораживает это категоричное «Мой мир!» Серегу от большого мира людей, в котором требуется не только «себя показать», но еще уметь «и на людей посмотреть». Первое у Сереги явно преобладает над вторым.

Революция требовала, чтобы люди безраздельно, целиком отдавали ей себя, как Ян, как шкипер Едемский, как красный комиссар Павлин Виноградов. Очень значим в повести эпизод, когда пастушок Якуня спасает Серегу от пули Штмцеда, а Серега не только не испытывает к нему чувства благодарности, а еще и третпрует высокомерно Якуню. Видите ли, тот кнутым вздумал хвастаться (кнут Серегу и спас), когда у него кортик на боку! Между тем пастушок оказался и дальновиднее, и умнее, и предусмотрительнее Сереги. Ничего не переменяет в нем и полудетская-полулюбовная любовь, все таким же — «как хочу, так и ворочу» — остается он и по-

сле прощания с Таней. Не задумался он и над судьбой юного Петрухи, подручного Штимца, тоже, по всему виду, любителя приключений, погибшего за ложную идею...

Захлебывающийся, скачущий, прерывистый рассказ-исповедь Серёги Едемского сопровождается отрезвляющая интонация автора, которая спокойно и настойчиво подсказывает: романтика, приключения сами по себе — это еще ничего не значит, их можно повернуть и так и сяк, есть позначительнее вещи, от них-то и надо идти. Помни о седьмом патроне.

Помни о своей ответственности человека. Не синее небо коптить, не игрищами и забавами занимать бездумно свою единственную жизнь, не колесом ходить на потеху людям,

не «самовыражением» заниматься, лежа на покойном диване, не приключений искать пришел ты на землю, чтобы уйти с нее в короткое время, так и не узнав, зачем ты и что ты за человек. Пришел быть истинным хозяином ее. Живи с сознанием, что от тебя зависит все.

Были раньше на деревне такие старики: все знали и как будто главной целью своей имели обережение мальчишек. Надзирали за мальчишками в ночном, у костра передавали бывальщины, о каждой травке — расказ, о каждой птице — поэма. Учили вроде бы не уча, как-то само получалось. Приходили к ним люди за советом. Таким видится нам и писатель Иван Полуянов, нужный людям советчик.